

А.Я.Берелович

Спасибо организаторам за то, что меня пригласили. Я попробую немножко развить некоторые идеи, которые были уже высказаны. И в то же время, извините, может быть, я был бы более на своем месте – в следующей группе, так как я буду говорить об общественном мнении и о ценностях.

Во-первых, конечно, если говорить о веке, как мы знаем: исторический век необязательно соответствует астрономическому. И несмотря на сильное желание некоторых считать, что XXI век начался с террористического акта, разрушения башен в Нью-Йорке, мне кажется, все-таки он связан с концом коммунистической, социалистической системы. То есть для меня, как говорил известный историк Хобсбаум, это короткий XX век, который начинается, скажем, в 14-м году с Первой мировой войны и заканчивается в 91-м концом советской системы.

Поэтому для меня этот поворот и смена, скорее всего, происходят за этот период, а, конечно, не после 2001 года, который в России, по-моему, ничего особенного не значит, если только не считать выборы Путина какой-то вехой.

Я хотел вкратце сказать об установке на общечеловеческие ценности, которые постепенно сменились на установку на национальные ценности. Если посмотреть по-другому: установка на включение России в глобальный мир, или, наоборот, обособленность и защита своих национальных интересов. Достаточно любопытно посмотреть, как это происходит. Конечно, я не смогу это подробно осветить. Но хочу отметить, что советская идеология очень странным образом совмещала это.

Потому что были и идеи, унаследованные от основателей социализма, которые были, конечно, универсальны по своему определению. И в то же время они смешивались с чисто националистическими, установками, потому что смешивались «интересы международного рабочего класса» и интересы Советского Союза как страны. Это вы все знаете. Этот конгломерат создается, конечно, в первую очередь при Сталине. Но он продолжается и в последующие периоды.

Поэтому перестройка, которая вобрала в себя и часть советской идеологии и, я бы сказал, то, что ходило внутри диссидентства в широком смысле этого слова, скажем, инакомыслящих, не выступает в первую очередь во имя каких-то национальных ценностей. То есть тогда выдвигается в первую очередь не идея возрождения России, а, скорее всего, ее включение в общечеловеческие ценности. Это – права человека, идея Общего дома и т.д. Я не буду долго об этом говорить. Мне кажется, что установка – именно на это.

В то же время (и это тоже надо заметить) очень быстро, как оружие против существующей советской системы, начинают использоваться национальные темы внутри общедемократических, что и нашло свое оформление под названием «демократическая Россия». Я бы сказала, что вначале ударение было на прилагательном, а потом оно немножко начинает сдвигаться на существительное: от «демократическая Россия» к – « демократическая Россия». То есть довольно странным образом метрополия захотела стать в один ряд с другими протогосударствами, которые тогда существовали, чтобы считать себя тоже непонятно каким образом жертвой центральной власти от которой она причудливо отмежеввалась, и чтобы таким образом создать что-то подобное национальному фронту, который был в других республиках, как чисто инструментальная форма использования ценностей для политической борьбы.

Это, мне кажется, было очень важным моментом, который обусловил все, что последовало. Вспомним, что «Демократическая Россия» быстро становится «Выбором России» под знаком Петра I. Конечно, можно видеть в Петре I западника, который, как известно, прорубил окно в Европу. Но в то же время это первый император Российской империи. Поэтому этот символ был достаточно амбивалентный.

Потом в 91-м году мы увидели два знаменательных текста - один, подписанный группой интеллектуалов, призывающий продолжать давать свободы всем составляющим России; другой, который призывал собирать камни. Это собирание камней, конечно, происходит уже при Б.Н. Ельцине. (Поэтому я в отличие от многих аналитиков постсоветского периода не провожу очень резкое разграничение между ельцинским и путинским периодами. По-моему, второй продолжает первый, просто у него больше инструментов в руках.)

Идея, что надо найти новую идеологию вокруг «новой России», российские ценности, а не русские. У меня нет времени описать игру между этими двумя прилагательными, которая сыграла очень большую роль. Использование российской темы усиливало гражданский подход к нации, а не этнический. Но в то же время систематическое использование понятия российского усилило в то же время понятие русского как чисто этнического.

Вы помните, что выдвигается лозунг: надо найти национальную идею для России. Даже был такой достаточно забавный конкурс по идее для России, и потом была публикация под редакцией Сатарова. То есть национальная идея развивается и набирает силы. Понятно, что эта идея – изначально идея русской (российской) обособленности, отличия от других. Какую роль она сыграло? Она позволило, мне кажется, разъединить то, что было очень тесно связано во время перестройки и во всех дискуссиях того времени, а именно пару: демократия-рынок или, если хотите, демократия-модернизация. То есть, если в конце 80-х не мыслилась модернизация без демократизации, то в 90е годы их разъединяют.

Я не буду разбирать здесь все статьи, которые выходят в конце 80-х – начале 90-х, о Пиночете и т.д. Их смысл – разъединить пару демократизации-модернизации. Мы будем модернизировать Россию железной рукой, а народ (население) это не субъект истории, а быдло, которое надо вести силой в нужное направление.

Тогда на этой основе, мне кажется, и происходит внутри и власти, и интеллектуальных элит, которые обслуживают власть, эта замена идеи прав человека (индивида) идеей национального интереса. Мы должны защищать наши национальные интересы. Тогда, конечно, интересы нации становятся важнее, чем интересы индивида, что мы имеем и сегодня. А национальные интересы нынешней России являются прямым продолжением интересов Советского Союза.

И тогда появляется достаточно интересная, я бы сказал, смесь разных понятий, где смешивается и ностальгия по прошлому, и понимание невозможности вернуться к этому прошлому. Если мы посмотрим дискурсы руководителей, то мы очень часто видим следующую тему: жаль, что Советский Союз исчез, но я знаю, что нельзя к нему вернуться. Это очень интересная фигура, потому что идеологически она как бы спланирует во имя общего прошлого нацию и историю страны. И, конечно, все операции вокруг флага, гимна, четвертого ноября и т.д. подчеркивают непрерывность нашей истории. Это и питает некоторую ностальгию. Но эта ностальгия по прошлому совмещается с невозможность возврата к Советскому Союзу. То есть она чисто аполитична.

Мне кажется, очень важно, что дискурс о национальных интересах позволяет, с одной стороны, легитимизировать ту политику, которая ведется, и в то же время полностью исключить население (если хотите более точно избирателей) от возможности активно участвовать в политическом процессе и позволяет ориентировать его в ту или другую сторону.

Здравомыслва О.М. Вы говорите о национальном дискурсе как деполитизирующем. Эту тему в каком-то смысле, я думаю, продолжит Леонид Никитинский с точки зрения уже журналиста.